

Алексей Наймушин

Сновидец

Алексей Наймушин

Сновидец

«Автор»

2026

Наймушин А. А.

Сновидец / А. А. Наймушин — «Автор», 2026

В мире, где искренние чувства стали дефицитом, Олег работает «сновидцем» - человеком, который генерирует на заказ чистый адреналин, страсть и триумф для пресыщенных потребителей. Но пока клиенты покупают его суррогатные «Альпы» и «Орбиты», сам Олег мечтает лишь об одном: вернуть неуловимый «Рай» - редчайшую ментальную аномалию подлинного, глубокого счастья, которую он способен испытать только дома, на старой тахте, без датчиков и записывающих устройств. Компания требует от него именно это чудо. Сможет ли герой поставить на кон свое последнее сокровенное воспоминание ради того, чтобы выжить в бездушной системе, или сохранит Рай для себя одного?

© Наймушин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11

Алексей Наймушин

Сновидец

Глава 1

Ледяной ветер бил в лицо острыми крупинками наста. Лыжи дрожали на жестком, выскобленном до камней склоне, скорость давно перевалила за сотню. Где-то позади с сухим треском ломались вековые сосны.

Лавина.

Олег не оборачивался. Он и так чувствовал ее спиной: чудовищную массу снега, камней и воздуха, несущуюся вниз с равнодушием товарного поезда. Гул нарастал, заполняя горы до самого неба.

Впереди склон внезапно кончался.

За обрывом лежала пустота. Альпы уже заливало рассветным солнцем, и пропасть светила невозможной голубизной, будто внизу было не ущелье, а другое небо.

Тупик.

Олег резко заложил корпус, входя в последний вираж. Канты взвизгнули. В бедрах полыхнула боль. Еще секунда, и снежная стена сожрет склон целиком.

Он оттолкнулся.

Мир исчез.

Ни веса. Ни страха. Ни тела.

Только ослепительная, звенящая свобода.

И в этот момент реальность треснула, как стекло под слишком сильным ударом.

Олег открыл глаза.

Над ним мерцал офисный плафон с дохлой мухой внутри. В ушах вместо лавины стоял ровный электрический гул кондиционера.

Он тяжело вдохнул. Сердце еще колотилось, мышцы помнили напряжение прыжка, но химия уже гасила остатки адреналина. Эмоции здесь долго не разрешались. Слишком накладно для компании.

Олег медленно сел и отлепил от висков сенсоры. Кожа под ними зудела. Похоже, началась аллергия.

Пахло пластиком, антисептиком и старым кофе.

И никакого снега...

На панели, расположенной прямо перед лицом, мигало:

«REM-дорожка сохранена.

Эмоциональная целостность: 98,7%.

Побочные кошмары: отсутствуют.

Категория: PREMIUM A».

С тихим шипением открылся слот накопителя.

Олег достал прозрачный картридж. Внутри тускло поблескивала тонкая пленка квантовой записи. Пять минут чужого счастья.

Он взял маркер и привычно подписал капсулу:

«АЛЬПЫ.

ЛАВИНА.

СТРАХ / ВОСТОРГ.

БЕЗ КОШМАРОВ.

Сновидец: Николаев О.»

Почерк у него был красивый. Почти школьный. Уроки каллиграфии не прошли даром, хотя...

Олег поднялся. Ноги слегка дрожали. После глубоких сессий настоящий мир всегда казался неудобным: слишком медленным, слишком твердым, слишком бедным на ощущения.

У стены тянулся металлический стеллаж. Сотни прозрачных картриджей.

«Первое убийство».

«Прыжок с орбиты».

«Победа на арене».

«Секс втроем. Париж».

«Охота на медведя».

«Космос. Выход в открытый».

Аккуратные ряды консервированных эмоций.

Он поставил новую капсулу в секцию премиальных снов.

Завтра какой-нибудь менеджер среднего звена купит этот спуск, ляжет вечером в свою VR-капсулу и почувствует себя живым.

Олег надел старое пальто. Молния снова заела где-то посередине.

За окном моросил серый ноябрь.

Люди медленно текли вдоль офисного центра, подсвеченные рекламой и фарами. Он некоторое время смотрел на них через стекло. Потом выключил свет и вышел.

На свою жизнь ни у кого спроса не было

Дома у Олега не было дорогой импортной капсулы. Только старая тахта с продавленной пружинной, которая каждый раз устало вздыхала, стоило ему повернуться на бок.

И именно здесь ему опять приснился Рай.

Не какая-то курортная открытка. Не те стерильные швейцарские Альпы, которые он по восемь часов в день продавал чужим нервным системам.

Это было что-то древнее.

Мир без рекламы. Без интерфейсов. Без фонового гула техники.

Теплый ветер шевелил высокую траву. Где-то рядом текла вода по круглой речной гальке. Пахло нагретой хвоей, парным молоком и дымом далекого костра. Олег стоял босиком на деревянном мостке, и доски под ступнями были теплыми от солнца.

Там ничего не происходило.

Никто не падал в пропасть.

Никто не убегал.

Никто не побеждал.

И от этого было невероятно хорошо.

Сам воздух казался густым и живым. Каждый вдох проходил внутри медленно, как теплая волна. Олег чувствовал, как отпускает тело: будто годами сжатые мышцы наконец вспомнили, что можно не ждать удара. Из головы уходил знакомый металлический звон, который последние годы не исчезал даже во сне.

А потом чья-то ладонь легко легла ему на плечо.

Женщина.

Он не запомнил лица. Только тепло.

Спокойное. Настоящее. Невыносимо родное.

И в этот момент Олег понял, что счастлив.

Не возбужден.

Не захвачен.

Не переполнен адреналином.

Счастлив.

Он не хотел просыпаться.

Цеплялся за сон отчаянно, почти панически, словно человек, которого уже вытаскивают из теплой воды обратно на мороз.

Но браслет на запястье коротко завибрировал.

Рай растаял мгновенно.

Олег открыл глаза.

Темная комната.

Холод.

Ноябрьский дождь за окном.

Старые обои с пузырями у батареи. Из тела словно выдернули источник тепла.

— Господи... — хрипло выдохнул он, закрывая лицо ладонями.

И почти сразу пришла другая мысль.

Не восторг.

Не благодарность.

Убыток.

Этот сон ушел впустую.

Растворился в воздухе дешевой съемной квартиры.

На Олеге не было сенсоров. Квантовая пленка не писала сигнал. Нейросетка не снимала эмоциональные пики.

А ведь одна такая дорожка стоила бы состояние.

Не занудные «Альпы».

Не надоевшая «Орбита».

Не очередное «Первое убийство».

Нет.

Это был бы продукт совершенно другого уровня.

За несколько минут такого покоя выгоревшие миллионеры платили бы больше, чем за собственные отпуска. Люди, давно разучившиеся чувствовать хоть что-нибудь, перегрызли бы друг другу глотки за право испытать это хотя бы раз.

Собственно, поэтому Олега и взяли в компанию.

Пять лет назад во время первичного сканирования система засекала редчайшую аномалию: так называемые «райские вспышки». Идеально чистые волны глубинного счастья, которые иногда возникают у одного человека на миллион.

Тогда ему улыбались.

Жали руку.

Говорили, что он особенный.

Ему обещали золотые горы.

Но на работе Рай не приходил.

В офисном кресле, под гул кондиционеров и требования KPI, Олег выдавал только качественный суррогат: страх, восторг, сексуальное возбуждение, триумф, ярость.

Он был великолепным ремесленником. Но чудо отказывалось работать по графику. Олег потянулся к телефону.

Уведомление от руководства пришло сорок минут назад.

«Николаев, показатели последней REM-дорожки “Альпы” снизились на 12%. Клиенты отмечают фоновую меланхолию и эмоциональную усталость после завершения сессии. Напоминаем: срок вашего контракта истекает в пятницу. Компании нужен не техник. Компании нужен Ваш Рай. Покажите результат».

Олег долго смотрел на экран.

Потом медленно выключил телефон.

До начала смены оставался всего час, нужно было собираться.

Глава 2

До метро Олег шёл пешком под мелкой холодной взвесью. Пальто намокло, потяжелело, молния на груди так и осталась расстегнутой на четверть. Мыслями он всё ещё цеплялся за деревянные мостки и тепло на плече, но ноябрьский город быстро вымывал остатки тепла.

Офисный центр «Нейро-Сомнум» встретил его привычным запахом сухого тепла и дорогого парфюма. На входе стояли новые блестящие рамки сканеров - их обновили всего месяц назад. Олег привычно шагнул в створ, прикладывая браслет к стеклянному терминалу. Обычная секундная процедура: калибровка базовых ритмов перед сменой, проверка на алкоголь и скрытые нейрорептики.

Рамка издала странный, глубокий вибрирующий звук. Наверху вспыхнул ровный фиолетовый свет. Двое охранников у турникетов мгновенно подобрались. Один положил ладонь на кобуру электрошокера, второй сделал шаг навстречу.

- Николаев Олег Игоревич? - сухо спросил тот, что постарше. - Пройдите в дежурную комнату.

- В чём дело? - Олег растерянно посмотрел на фиолетовый индикатор. - Я не пил. У меня смена через двадцать минут.

- Николаев, не спорьте.

Внутри кабинета его не ждала служба безопасности. Там, оперевшись на край стола, стоял Хромов - директор по контенту. Тот самый, от кого утром пришла смска. Рядом на стуле сидел бледный парень-техник с планшетом, на котором бешено дергались разноцветные синусоиды.

Хромов посмотрел на Олега с какой-то брезгливой жалостью.

- Ну что же ты, Олег? - тихо сказал он, покачивая головой. - Мы ведь тебе верили. Пять лет вели. Ждали, когда ты раскроешься. А ты решил сыграть в самостоятельность?

- Я не понимаю, о чём вы, - искренне сказал Олег. Ноги после ходьбы по лужам начали подмерзать.

Хромов кивнул технику. Тот полностью развернул планшет к Олегу. На экране светилась трехмерная модель его собственной фоновой активности, снятая рамкой на проходной. Среди серых, замусоренных линий утренней усталости ярким неоновым жгутом горел след дельта-ритма. Тот самый. Абсолютная чистота. Ноль шумов. Стопроцентный покой.

- Это остаточный шлейф глубокой фазы, - Хромов постучал пальцем по экрану. - Такое бывает только в первые несколько часов после съёма, Олег. Это тот самый твой «Рай». И ты испытал его не здесь. На твоём домашнем профиле нет записей. Значит, ты использовал стороннее оборудование. Кому ты слил дорожку? «Сомно-Трейд»? Или китайцам?

- Да вы с ума сошли! - Олег шагнул вперед, но охранник у двери предупреждающе кашлянул. - Мне это просто приснилось! Дома! На диване! У меня нет никаких датчиков!

Хромов горько усмехнулся.

- Олег, брось. Мы взрослая компания. Сказки про «просто приснилось» оставь для детского сада. Мозг сновидца так не работает. Без внешней стимуляции такую чистоту выдать невозможно, ты сам это знаешь. Ты записал «Золотой стандарт» на левом железе и уже кому-то продал.

- Я ничего не...

- Хватит, - отрезал Хромов, и его голос мгновенно стал ледяным. - Факт фиксации коммерческого продукта на входе есть. Это прямое нарушение пункта 4.2 контракта - незаконное использование интеллектуальной собственности компании. Радуйся, что мы пока не передаем дело в прокуратуру - судиться с тобой у нас просто нет времени, в пятницу закрытие квартала.

Хромов выпрямился, поправил манжеты сорочки и запонки, откашлялся и произнес ровным бесцветным голосом:

- Ты уволен, Николаев. Без выходного пособия. Все твои пленки за этот месяц аннулируются. Премия за «Альпы» заблокирована в счет покрытия убытков. Браслет охроне. Сам - свободен.

Через пять минут Олег уже стоял на улице. В кармане пальто лежал старый телефон. На счету оставалось одиннадцать тысяч рублей. Браслет - собственность компании - у него забрали, и теперь запястье казалось неестественно белым, голым и легким.

Осенний дождь припустил сильнее. Олег втянул голову, поднял воротник, нащупал заедающую молнию, дернул вверх - и собачка с тихим хрустом окончательно отвалилась. Он подержал её пару секунд в руке и выбросил в лужу.

Квартира была оплачена еще на месяц вперед, но оплата была вроде бы как-то завязана на компанию... Так что, возможно, идти ему было просто некуда. Да и не зачем. Он постучал себя по карманам, но вспомнив, что в «реале» давно уже не курит, отряхнулся и пошел вперед.

Через некоторое время, даже, особо не замечая дороги, он дошёл до набережной. Город вокруг жил своей обычной вечерней лихорадкой. Машины шуршали по мокрому асфальту. Над остановками мерцали рекламные панели с сонными пакетами премиум-класса: «Верните себе первое свидание». «Испытайте идеальный триумф». «Коллекция “Детство 3.0” уже доступна». Лица на билбордах светились одинаково счастливой, одинаково мёртвой улыбкой.

Олег остановился у парапета. Река внизу была почти черной и только отражения фонарей растягивались по воде длинными золотыми порезами.

Он вдруг понял, что ужасно устал. Не после увольнения. Не после бесконечной работы. А вообще. Будто все последние годы прожил, задержав дыхание.

Телефон коротко вибрировал уже третий раз подряд. Номер был незнакомый. Олег автоматически опять сбросил вызов. Буквально через секунду пришло сообщение: «Не советуем нас игнорировать. Нужно поговорить о вашем сегодняшнем сне».

Он замер. Окружающий холод сразу стал ошутимее. Пальцы сами собой сжали телефон. Следующее сообщение пришло почти мгновенно: «И нет, мы не из “Нейро-Сомнум”. Если бы были они, вас бы уже везли не домой».

Олег оглянулся. Люди проходили мимо плотным потоком. Девушка под одним зонтом тащила за руку сонного ребёнка. Курьер в ярко-синем дождевике ругался в гарнитуру. Старик кормил мокрых голубей хлебом прямо под знаком «штраф за кормление животных». Никто, казалось, не смотрел на него, но от этого стало еще тревожнее.

Телефон снова дрогнул: «Слева от вас кофейня. Зеленая вывеска. Зайдите внутрь. Только спокойно. За вами наблюдают».

Олег медленно повернул голову. Через дорогу действительно горела старая зеленая надпись: «КОФЕ / ЧАЙ / ВЫПЕЧКА». Очень неуместная вывеска. Слишком антикварно-живая для этого района. Он хотел уйти. Правда хотел. Любой нормальный человек на его месте сейчас бы выбросил телефон в реку и пошёл куда глаза глядят. Но внутри, под страхом, уже зашевелилось другое чувство. Надежда. Маленькая. Опасная. Почти болезненная. Вот это вечное «а вдруг?».

«О вашем сне». Не о разорванном контракте. Не о потенциальной краже. Не о суде или прокуратуре. Они знали о сне.

Олег перешёл улицу на красный свет, едва увернувшись от бесшумного электрокара. Колокольчик над дверью кофейни звякнул неожиданно по-настоящему. Не цифровой записью, а настоящим металлом. Внутри пахло кофе с корицей и еще чем-то жареным. Людей почти не было. Женщина за стойкой даже не подняла головы.

- Третий столик, - спокойно сказала она, продолжая протирать чашку.

У Олега внутри неприятно похолодело. В дальнем углу сидел мужчина лет шестидесяти. Старое шерстяное пальто. Седая щетина. Дешевый пластиковый дождевик, аккуратно сложенный рядом на стуле. И глаза... Очень спокойные глаза человека, который давно перестал бояться. Перед ним стояли две чашки.

- Садитесь, Олег, - сказал старик. - Ваш кофе уже остывает. Или Вы, по старинке, предпочитаете «ваше кофе»?

- Кто вы такой?

- Человек, который ждал вас без малого двадцать лет.

Олег не сел.

- Если это шутка...

- Вам сегодня снился мосток над рекой. Доски были горячими. А рядом была женщина, лица которой вы опять не запомнили.

Воздух вдруг стал удушающе плотным. Олег медленно опустился на стул. Старик внимательно смотрел на него. Без торжества. Без любопытства. Так врач смотрит на человека, у которого наконец проявился явный симптом болезни, которую слишком долго не могли диагностировать.

- Откуда вы знаете?..

Старик вздохнул. Потом тихо сказал:

- Потому что это был не сон, Олег.

- ...Что?

- Это было воспоминание.

Слова старика повисли в воздухе кофейни, тяжелые и осязаемые, как запах кофе с корицей и еще чего-то пережаренного.

Глава 3

Олег смотрел на него, чувствуя, как внутри всё сильнее закручивается тугая холодная пружина. Мозг, воспитанный пятилетней работой в «Нейро-Сомнум», отчаянно пытался найти логическое, техническое объяснение.

- Воспоминание? - Олег принужденно хмыкнул, хотя голос сорвался. - Чьё? Моё? Мне тридцать два года, я родился в Выхино. В моем детстве не было никаких деревянных мостков и речной гальки. Там были гаражи, бетонный забор и вечная серая жижа под ногами. Вы ошиблись адресом.

Старик не спорил. Он спокойно пододвинул к Олегу чашку. На поверхности остывающего американо колыхалась тонкая маслянистая пленка.

- В детстве Олега Игоревича Николаева действительно этого не было, - согласился он. - Как не было и у миллионов других людей, которые рождаются, живут и умирают в этом цифровом муравейнике. Но скажи мне, мастер REM-дорожек... откуда твой мозг взял текстуру?

Старик подался вперед, и в его спокойных глазах мелькнул жесткий, профессиональный интерес.

- В «Нейро-Сомнум» вы синтезируете Рай из картинок. Вы берете швейцарские Альпы, чистите их от шумов, выкручиваете контраст, добавляете фальшивый запах озона. Но клиенты всё равно чувствуют подделку. Почему? Потому что это компиляция. Коллаж из чужих рекламных роликов. А то, что сегодня выплеснулось из твоей головы на проходной это был монолит. Цельный кусок реальности. Настоящее солнце. Настоящий запах костра. Нейросеть не умеет генерировать то, чего никогда не существовало в природе.

- Это просто аномалия, - упрямо повторил Олег, хотя деревянные горячие доски под босыми ногами снова вспыхнули в памяти с пугающей отчетливостью. - «Райская вспышка». Мне на базовом сканировании так и сказали.

- Тебе соврали, - мягко перебил старик. - Им нужно было как-то назвать твой талант, чтобы ты послушно работал на их фабрике суррогатов и не задавал вопросов. Никаких «вспышек» не существует. Есть генетическая память. Или, если хочешь, остаточный код.

Старик вытащил из кармана пальто старый, потертый планшет - без голографического экрана, с обычной жидкой матрицей. Он коснулся экрана, и на нем поползли серые графики. Точно такие же, как те, что Хромов показывал Олегу час назад. Только эти графики были датированы 2008 годом.

- Двадцать лет назад, до того, как мир окончательно пересел на сонные капсулы и нейро-оптимизаторы, мы с коллегами пытались зафиксировать последнюю чистую волну. Мозг людей, которые ещё помнили мир до глобального интерфейса. Мир без фонового гула электросетей и ментального мусора. Мы искали эталон. Исходник, с которого можно было бы перезапустить человеческую психику, когда она окончательно выгорит от этого вашего 7G и вечного стресса.

Олег смотрел на графики. Линии на старом экране идеально, один в один, повторяли неоновый жгут его сегодняшней дельта-волны.

- Мы не успели, - тихо продолжил старик. - Нас закрыли. Патенты выкупила «Нейро-Сомнум», сделав из лекарства индустрию развлечений. Они кастрировали технологию, превратив её в продажу безопасных снов для уставших богачей. Но код остался. Он передается. И в тебе, Олег, этот исходник проснулся.

Олег перевёл взгляд с планшета на старика.

- Допустим, - его голос звучал глухо. - Допустим, это правда. И что мне делать с этим вашим «исходником»? Меня уволили. Мои счета заблокированы. Меня считают вором и если Хромов передумает, меня посадят. Я просто хочу понять, как мне дожить до конца месяца.

Старик горько улыбнулся и убрал планшет в карман.

- Хромов не передумает, Олег. Он уже ищет, кому ты продал дорожку. И поверь мне, «Нейро-Сомнум» - это меньшая из твоих проблем. Когда отчет о фиолетовом сигнале на рамке проходной уйдет в аналитический отдел Главного Управления, за тобой придут люди, которые не увольняют. Они вскроют твою голову, чтобы достать этот Рай по кусочкам.

Старик поднялся, аккуратно взял свой пластиковый дождевик и накинул на плечи.

- Твоя тахта в съёмной квартире - это не просто старая мебель, Олег. Это единственное место в этом районе, которое находится в слепой зоне старого экранированного кабеля подстанции. Только там твой мозг смог «вспомнить». Но туда возвращаться нельзя. Они уже едут к твоему дому.

Олег тоже вскочил. Сердце заколотилось в горле.

- Куда мне идти? Кто вы вообще такой?

- Меня зовут Арсеньев. Когда-то я был главным инженером того, что теперь называется «Нейро-Сомнум». - Старик бросил на стол несколько мятых бумажных купюр, расплачиваясь за кофе. - На улице у входа стоит серый фургон без номеров. Лобовое стекло заляпано грязью. Садись на пассажирское сиденье и не смотри по сторонам. Если хочешь выжить и узнать, чьё лицо ты не можешь запомнить в своём Раю - шевелись. У нас меньше трех минут.

Колокольчик над дверью кофейни снова звякнул. Старик вышел в ноябрьскую сырость.

Олег остался стоять у стола. Его нетронутый кофе окончательно остыл. За окном, сквозь пелену дождя, он действительно увидел силуэт серого фургона, припаркованного у обочины с работающим на холостых оборотах двигателем.

А через дорогу, у входа в метро, из черного представительского минивэна как раз выходили трое мужчин в одинаковых темных пальто, слишком внимательно сканирующих глазами улицу.

Олег глубоко вздохнул, чувствуя, как металлический звон в голове возвращается с новой силой, и толкнул тяжелую дверь кофейни.

Холодный воздух ударил в лицо так резко, будто город всё это время ждал его снаружи, затаив дыхание. Олег спустился по ступенькам кофейни и почти сразу почувствовал на себе взгляд. Не один. Несколько. Трое у метро уже двигались через улицу. Без суеты. Именно так идут люди, которые уверены: убежать бесполезно.

Серый фургон стоял у тротуара в двадцати метрах впереди. Старый, грязный, с треснувшим правым стоп-сигналом. Двигатель едва слышно урчал. Олег сделал шаг. Потом ещё один. И в этот момент один из мужчин у метро коснулся пальцами виска. Наверное, гарнитура.

После этого вся улица словно чуть изменила ритм. Прохожие начали замедляться. Нет, не буквально. Скорее воздух вокруг стал каким-то вязким. Люди чаще оборачивались. Кто-то остановился посреди тротуара. Молодой парень у перехода застыл с пустым взглядом, будто внезапно забыл, куда шел.

Олег почувствовал знакомый металлический звон внутри черепа. Тот самый. Который исчезал только во сне.

Мужчина в темном пальто ускорил шаг.

- Олег Игоревич! - спокойно позвал он. - Не усложняйте ситуацию. Нам нужно только поговорить.

«Только поговорить». Господи. Все всегда начинают именно с этого. Олег резко рванул к фургону. Дверь пассажирского сиденья распахнулась изнутри еще до того, как он добежал.

- Быстрее! - рявкнул Арсеньев уже совсем другим голосом. Без старческой мягкости. - Они включили поле!

Олег ввалился внутрь. Дверь захлопнулась. Фургон сорвался с места с таким визгом, что его швырнуло плечом о приборную панель. Снаружи мелькнули лица. Один из мужчин поднял руку. И тут случилось что-то странное. Мир за стеклом дрогнул. Как изображение с плохим

сигналом. На долю секунды улица стала другой. Неон исчез. Мокрый асфальт исчез. Вместо рекламных экранов Олег увидел темные деревья, качающиеся под ветром.

А люди

Людей не было. Только пустая дорога среди огромного влажного леса. Потом всё вернулось обратно. Фургон уже несся по набережной. Олег судорожно вцепился в сиденье.

- Что что это было?!

Арсеньев не ответил сразу. Он крутил руль одной рукой, второй что-то быстро переключая на старой панели приборов. Машина внутри выглядела почти антикварной: механические кнопки, тумблеры, никаких сенсорных поверхностей.

Наконец старик коротко выдохнул:

- Плохо.

- Что значит «плохо»?!

- Это значит, что ты начинаешь видеть.

Дождь барабанил по крыше фургона. За окнами проносился город. Серый. Мокрый. Огромный. И вдруг Олег понял, что больше не может смотреть на рекламные панели. Что-то с ними было не так. Раньше он этого не замечал. Теперь - да. Изображения на билбордах едва заметно мерцали не в такт. Словно поверх обычной рекламы шёл ещё один слой картинки. Почти невидимый. Лицо улыбающейся девушки на секунду расплылось. Под идеально белыми зубами мелькнуло что-то похожее на черную пустоту. Олег резко отвернулся.

- Что со мной происходит?..

- Твой мозг выходит из синхронизации с Сетью.

- С какой ещё сетью?

Арсеньев мрачно усмехнулся.

- Ты правда думаешь, что человечество добровольно превратилось в стадо выгоревших невротиков за двадцать лет? Само? Без посторонней помощи?

Фургон нырнул под мост. На секунду стало темно. И в этой темноте металлический звон в голове Олега вдруг мгновенно оборвался. Тишина накрыла его такой волной, что он едва не задохнулся. А потом он услышал - где-то глубоко внутри - шум реки. Той самой. И женский голос. Совсем близко.

- Ты наконец проснулся